

Юрий Дикий

Из воспоминаний

«Все настоящее – мгновение вечности».

Марк Аврелий

«Миг настоящего – это все, в чем мы можем быть уверены».

Сомерсет Моэм. «Подводя итоги»

Возвращаясь из разросшихся воспоминаний в мгновения детства на Соборной площади, невольно поражаешься связи времен прошлого века, соединенных в одном месте судьбами разных поколений, сменой исторических событий и даже архитектурного облика нашего города. Здесь протянулись незримые нити к мгновениям, объясняющим многое в панораме событий как личной жизни, так и кровного родства с городом, ставшим навсегда родным «гением места».

Всего несколько лет минуло с младенческих приключений

у памятника М.С. Воронцову, когда состоялось новое, уже самостоятельное путешествие. Музыкальная атмосфера дома спровоцировала в пятилетнем возрасте идею навестить старейшую музыкальную школу № 2 им. А.К. Глазунова, находящуюся в двух кварталах. Любопытно, что тогда попал в руки самого директо-

Спасо-Преображенский собор (1808-1936)

Средняя школа № 121

ра, знаменитого Л.С. Перельмана*, который объявил моим родителям, что я в школу принят. Это их, в свою очередь, спровоцировало обратиться в дирекцию школы-десятилетки им. П.С. Столярского, куда спустя год был сразу же зачислен с весьма лестными отзывами о способностях.

Но возвратимся на нашу Соборную площадь.

Знаменитая школа им. П.С. Столярского** в послевоенный период располагалась в здании общеобразовательной средней школы № 121 на четвертом этаже. Возведенная из осколков кафедрального Спасо-Преображенского собора (1808-1936), по утверждениям одной стороны – снесенного в 1936 году, другой – разобранного по камешку. Архитектура школы, как говорил позднее Свя-

тослав Рихтер, «до того убогая, что трудно себе вообразить!»***

* Надо же, в студенческие годы его сын Виля по рекомендации Л.Н. Гинзбург стал моим первым частным учеником.

** В ноябре этого года будет отмечено 150-летие со дня рождения основателя школы – профессора П.С. Столярского.

*** Разумеется, Рихтер имел в виду убогость стандарта строившихся в то время школ.

Плотность школьных помещений на верхнем этаже, да и размещение нашего класса, где совмещались и занятия, и вся концертная жизнь прославленной школы, куда приезжали знаменитые музыканты-педагоги (в частности, Г.Г. Нейгауз), вызывающе контрастировали с довоенным зданием на Саба-неевом мосту, порождая массу трудностей учебного процесса.

Школа Столярского. 1940 г.

Но зато какой был наш класс и какие педагоги, какой директор Г.Д. Бучинский! По сей день все мы, соученики, остались родственниками друг другу. Хотя и разбросаны сегодня по всему свету, сохраняем в душе благодарную память о значительной части наших учителей. Если вспоминать всех, то это главы большого увлекательного романа длительностью в одиннадцать лет, а в некоторых последующих временах имевшего продолжение и в консерватории, и в дальнейшей музыкантской работе.

Чтобы никого не обидеть из представленных на фотографии, сделанной 1 сентября 1952 года в так называемом зале школы, смею упомянуть мгновение первого знакомства с ближайшим другом Павлом Григорьевичем Купиным, ныне заведующим кафедрой струнных инструментов Одесской консерватории, прекрасным виолончелистом, завершавшим свое высшее образование у М.Л. Ростроповича. Мы с ним единственные оказались в первый день учебы (кстати, оба шестилетки, рядом с остальными учениками-семилетками) без традиционных букетов, что привело к нашей драке за кем-то утерянную хризантему. На фотографии в нижнем первом ряду справа она в моих руках, а рядом расстроенный шестилетний Павел Григорьевич. В центре снимка наша первая учительница, которую помним все без исключения, – Антонина Дмитриевна Луканина.

А сколько нынешних знаменитостей могут узнать себя на этом снимке?

Первоклашки 1952 г.

Но коль уже был упомянут Спасо-Преображенский собор, то на его месте в то время был сооружен памятник сидящему в кресле Сталину, вззирающему на ландшафтно смоделированный украинский «план ГОЭЛРО»: текущие реки и модели гидроэлектростанций с мигающими огоньками. Эта пропагандистская инсталляция просуществовала не более месяца, развлекая малолеток, а памятник тирану – не долее пары лет после его смерти.

Тогда мне и невдомек было, что рядом со школой остался сохранившийся соборный дом, где в довоенный период проживали священнослужители собора, а среди них жили мой дед Федор Тимофеевич Дикий, бабушка Анастасия Христофоровна Атманани и отец Борис Федорович Дикий. Жили они на втором этаже, где визави находилась квартира Константина Константиновича Пигрова, регента упомянутого собора. Невдомек, потому что в семье очень редко упоминался и соборный дом, и связь деда с собором.

Соборный дом с памятной доской К.К. Пигрову

К.К. Пигрова хорошо помню по его визитам в нашу школу в качестве заведующего хорошей кафедрой и руководителя хора консерватории. А вот принадлежность деда к соборному дому и соответственно к Спасо-Преображенскому собору длительное время в семье даже не упоминалась, потому что в 1932 году был арестован К.К. Пигров как регент собора, а дед вынужден был скрываться как знаменитый в то время в Одессе его диакон.

Как оказался в рядах священнослужителей кафедрального собора в 1918 году представитель второго выпуска Одесской консерватории 1917 года из знаменитого класса профессора Ю.А. Рейдер и получивший место солиста в одесской опере? Парадигма судеб, незримо складывавшаяся в разные эпохи, откладывала свои вехи, определявшие многие мгновения.

Революции 1917 года не упразднили второй выпуск в Одесской консерватории. Два года подряд блестящий успех выпускников класса вокала профессора Ю.А. Рейдер был отражен в местной прессе. В оперу приглашается дебютант Ф.Т. Дикий с уникальным голосом (бас с диапазоном в три октавы), отличавшимся бархатной красотой. Его жена была приглашена в театр годом ранее. Предрекавшееся прессой блестящее будущее молодой пары оперных артистов, у которой в 1917 году родился мой отец, увы, оказалось совсем иным.

Читаем в издании «Духовенство Одессы. 1794-1925» выдержки из статьи о Ф.Т. Диком: «Дикий Федор Тимофеевич (1886-1967) диакон. (...) В 1917 г. окончил Одесскую государственную консерваторию по классу вокала профессора Ю.А. Рейдер. Позже принял диаконский сан и в 1919-1932 гг. служил иподиаконом в Одесском кафедральном Спасо-Преображенском соборе.

В 1925 г. – в списке тихоновского духовенства».*

Каким образом молодой артист оперы с яркой революционной биографией в первые годы советской власти оказывается в рядах священнослужителей?

Еще пару строк из вышеприведенной статьи: «Родился в с. Велико-Михайловке Ново-Оскольского уезда Курской губернии. Проживал в Кривом Роге, где 25.04.1904 г. был арестован за принадлежность к местной организации РСДРП и участие в сходках. Содержался под стражей в херсонской тюрьме. По постановлению особого совещания от 19.09.1906 г. был выслан под гласный надзор полиции в Олонецкую губернию на 3 года».

Между тем скупые документально-энциклопедические строки не отражают дальнейший период революционной деятельности деда. Каторга и переломанные там вагонеткой ноги... Все это не отлучило его от революционной романтики.

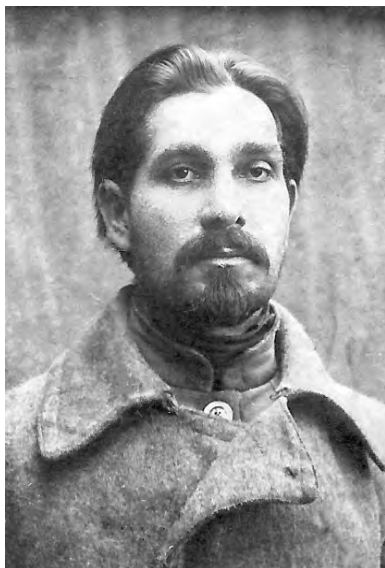
В моей памяти его рассказ о событиях в Одессе 1917 года. Хорошо помню, что он тогда, уже закончив консерваторию, возглавлял отряд моряков, занявших на нашем бульваре резиденцию генерал-губернатора, впоследствии здание Дворца моряков. В рассказе деда это событие вовсе не носило для него оттенка исторического и революционного, а скорее наоборот – он был возмущен поведением революционных матросов, сразу же

Выпускник консерватории Ф. Дикий. 1917 г.

---

* «Духовенство Одессы. 1794-1925». Автор-составитель В.А. Михальченко. – Одесса, 2012, с. 133.

Каторжанин Ф. Дикий

приступивших к разгрому здания. Били зеркала, вспарывали обивку диванов и стульев... Все как положено для мести восставших. Попытки деда приостановить этот беспредел обернулись возмущением матросов, тут же арестовавших своего командира, и даже предложением его расстрелять. Деда вывели на бульвар, но, к счастью, внимание матросов привлек приближавшийся щеголеватый молодой человек в канотье и с красным бантом, которого они сразу же взяли на прицел. Это и спасло деда, сумевшего овладеть ситуацией, пока матросское внимание занял появившийся фронт. Заметив направленные

в его сторону винтовки, прохожий пустился наутек в сторону бульварного склона.

Для меня же самое интересное произошло, когда дед рассказывал эту историю за обеденным столом, ибо здесь же сидел мой второй дед – отец мамы Сергей Тимофеевич Долгий, который вдруг неожиданно для всех сказал: «Так это был я!». И дальше поведал, как он принял революцию начинающим почтенным буржуа с бельгийским браунингом в заднем кармане, нацепив красный платок. Поблагодарил Бога за то, что по молодости здорово бегал. Его укрытием на склонах бульвара послужил наш знаменитый фонтан из ракушечника, в котором он провел весьма длительное время.

Но возвращаясь к «дикой» дедовской парадигме биографии, от революционера к священнослужителю, можно обнаружить узловой момент в истории революций – их моральную кровавую сущность, циничное отношение к человеческой жизни.

Большевистский беспредел, разруха, беспринципность и прочие стороны свершившихся революций не могли не влиять на молодого артиста оперы, и, вероятно, последней каплей, переполнившей чашу, были не только массовые расстрелы белой гвардии и буржуазии, но и повсеместное истребление духовенства.

В 1918 году появляется «Воззвание» новоизбранного патриарха Тихона. «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной, и страшному проклятию потомства в жизни настоящей земной», – писал Тихон.

Никогда не замечал за дедом особой религиозности, но несовпадение исповедуемых моральных ценностей определило дальнейшую весьма удручающую линию жизни обоих моих предков. Молодая пара оперных артистов покидает сцену театра.

Упомянутые в статье о Ф.Т. Диком «тихоновские списки», позднее обнаруженные в архивах КГБ, служили материалом для последовавших арестов и расстрелов тихоновцев, постепенно замещаемых в церквах «красными угодниками». Появилась причина

Хоровая капелла «Думка» в 30-е годы. Бас-октавист Ф.Дикий в центре третьего ряда

для расстрела с двойной мотивацией – и как «старого большевика», и как неугодного священнослужителя.

Федор Дикий, обладая конспиративными качествами революционера, пускается в бега, и в 30-е годы исчезает из Одессы. Правда, его талант ненадолго находит применение в знаменитом украинском хоровом коллективе «Думка» благодаря его основателю и хормейстеру мирового уровня Нестору Городовенко, услышавшему уникальный голос Ф. Дикого и немедленно пригласившему его в свой коллектив. Однако уже вскоре Н. Городовенко был вынужден эмигрировать, спасаясь от НКВД, а скитания Ф. Дикого продолжились в ходе массовых репрессий 30-х гг. Он покинул жену и сына, мгновения биографий которых «приключенчески» не менее драматичны...

Но это, как ныне принято говорить, уже совсем другая история... Или другие мгновения...

